

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Серопегина Алексея Михайловича

«Информационная политика ведущих консервативных и либеральных периодических изданий России по освещению кадровых решений Николая II в 1894–1899 годах», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история

После того, как в конце прошлого – в начале нынешнего века получили освещение темы, связанные с изучением внутренней политики второй половины XIX – начала XX вв., ранее находившиеся в тени (например, биографии императоров и государственных деятелей, история правительственных учреждений или общественных организаций), на первый план вышли исследования о самодержавной власти как технологии, механизмах коммуникации монарха и высшей бюрократии, правительственных верхов и общества. В условиях неподотчетности самодержца и его неответственности перед обществом и политической элитой с течением времени приобретали все большее значение неофициальные способы и каналы коммуникации. Вступление нового императора на престол сопровождалось во второй половине XIX столетия ожиданием перемен политического курса, общество надеялось на его смягчение и внимательно следило за «сигналами», которые «подавал» новый монарх. К ним относились первые распоряжения самодержца, манифест о воцарении и коронационный манифест, а также кадровые перестановки. Официальные и неформальные технологии политической коммуникации в последнее время активно изучаются историками, работы которых детально проанализированы Алексеем Михайловичем Серопегиным в вводной части диссертации.

В современной историографии в повестку дня также была поставлена задача разработки нового методологического подхода, на котором могли бы основываться подобные исследования, в т.ч. изучение общественного мнения

и реакции на него политической элиты. Диссертация А.М. Серопегина попадает в тренд современной историографической повестки.

Автор диссертации сосредоточился на «политической коммуникации» в первые годы царствования Николая II, выделив «исследование взаимного влияния внутренней политики и журналистской деятельности по ее освещению» и роль этого аспекта политической коммуникации в формировании общественного мнения «по поводу первых кадровых решений» молодого императора (с. 3-4).

После цензурной реформы Александра II, во второй половине XIX в., правительственная политика в отношении печати колебалась от сотрудничества и разрешительности к ужесточению цензурных правил. Министр внутренних дел П.А. Валуев рассматривал прессу как инструмент для противодействия антиправительственным настроениям, полагая, что свобода слова должна быть предоставлена только правительственной печати. При этом он потерпел поражение в противостоянии с издателем газеты «Московские ведомости» М.Н. Катковым, также использовавшим в полемике с министром понятие «свобода слова» и обратившимся за поддержкой к императору. По мнению Каткова, и администрация, и местное самоуправление, и общественное мнение, и следовательно, свобода личности, существовали лишь по воле монарха. Особыми привилегиями в отношении свободы печати, какими пользовался М.Н. Катков, могли похвастаться немногие издатели и публицисты, даже близкие к монарху (как, например, В.П. Мещерский). Этот аспект свободы слова был доступен избранным и зависел от монаршей воли. Самодержец предпочитал видеть в таких изданиях инструмент воздействия на общественное мнение и политическую элиту.

Для того, чтобы сформировать положительный образ администрации в общественном мнении, П.А. Валуев инициировал публикации отчетов о деятельности администрации в ведомственных изданиях и в

«Правительственном вестнике». Например, осенью 1881 г. в «Правительственном вестнике» регулярно печатались Журналы совещания «сведущих людей» по питейному и переселенческому вопросам, что можно рассматривать как проявление гласности (правда, в весьма ограниченном виде) во времена цензуры.

«Четвертой властью» пресса ощутила себя в период деятельности Первой и Второй Государственной думы, когда в Таврическом дворце заседания были открытыми для публики и прессы (как отечественной, так и иностранной), которую представляли более двухсот аккредитованных журналистов, ощущавших себя, по словам А.В. Тырковой-Вильямс «посредниками между Думой и читающей Россией». Однако этот «медовый месяц» центрального представительного учреждения и прессы закончился в 1907 г. Печать снова заняла свое привычное место, и в этой рутине не сумела оперативно информировать читателей о стремительных переменах в европейской и российской жизни в самом начале Первой мировой войны. Газеты распространяли слухи, порой совершенной фантастические, вводившие в заблуждение соотечественников как за границей, так и внутри страны.

В связи с этими колебаниями правительственного курса возникает исследовательский вопрос о положении печати не только в большие исторические периоды – царствования Александра II, Александра III и Николая II – но и о том, какие нюансы в отношениях прессы и власти можно отметить внутри этих временных отрезков. Могла ли печать в конце XIX в., в первые годы после воцарения Николая II, на какое-то время стать «четвертой властью», воспользовавшись молодостью и неопытностью нового монарха? Поэтому заслуживает внимания подход А.М. Серопегина к выбору хронологических рамок диссертационного исследования. Они ограничены, с одной стороны, вступлением на престол нового монарха, с другой – сменой

наследника престола и назначением Д.С. Сипягина на пост министра внутренних дел, что расценивается А.М. Серопегиным как наступление нового этапа «в управленческих практиках Николая II» (с. 4). Таким образом, для исследования выделен небольшой промежуток времени, в течение которого А.М. Серопегин отметил и изучил правительственные практики и механизмы коммуникации власти и общества. Такой методологический подход представляется перспективным, поскольку он позволяет по-новому настроить «оптику» исследователя, взглянуть на прошлое под иным углом зрения.

В соответствии с заявленной темой диссертации, большой интерес представляет первая глава, в которой пресса рассматривается как «пространство и средство политической коммуникации». А.М. Серопегин приходит к обоснованному выводу «об особой российской модели функционирования прессы и выстраивания отношений печати с бюрократией», в которой приоритет отдавался личным неформальным отношениям. При этом к своим оппонентам высшая бюрократия относилась как либеральные, так и консервативные издания не по идеологическим принципам, а «в зависимости от конъюнктуры»; «в роли коммуникаторов с представителями власти» выступали издатели и редакторы (с. 34). Автор диссертации отмечает, что высшая бюрократия (вместе с городской интеллигенцией) и была основным читателем столичной прессы, что придавало этому типу периодических изданий роль канала коммуникации власти и образованного общества.

Выдвигая тезис о том, что «устоявшиеся в историографии представления о консервативных изданиях (как о проводниках политики самодержавия) и либеральных изданиях (как о принципиальных его противниках) нуждаются в коррекции» (первое положение, выносимое на защиту) (с. 30). Таким образом, А.М. Серопегин вносит свой вклад в изучение

проблемы российского консерватизма и либерализма. Российские общественно-политические течения второй половины XIX в. представляли многофакторное явление, к которому не применимы критерии определения западноевропейских политических идеологий. Либеральные идеи центрального представительства и ограничения самодержавия выдвигались общественными и государственными деятелями с целью сохранения этой формы правления — только в обновленном виде. Отношение высшей бюрократии к прессе в первые годы царствования Николая II, рассмотренное в диссертации А.М. Серопегина, подтверждает неопределенность критериев разграничения российского консерватизма и либерализма в этот период.

А.М. Серопегину удалось реконструировать как «внутреннюю организацию ведущих редакционных коллективов» (с. 36), так и «ежедневную рутину журналистов» столичных изданий, что можно считать не только научным достижением, но и творческой удачей автора диссертации. Реконструкция основана на большом количестве исторических источников, опубликованных и архивных. Воспоминания участников событий, порой весьма драматических, оживляют текст диссертации и погружают нас в издательский мир конца XIX в.

Выводы, к которым приходит А.М. Серопегин, показывают, что пресса в конце XIX в. не стала «четвертой властью», оставаясь в глазах высшей бюрократии «важным», но «все же вспомогательным политическим инструментом» (с. 98). Следующие главы диссертации являются убедительным доказательством этого вывода.

В диссертационном исследовании показано, что программы в отношении печати в этот период разработано не было, существовало «ситуативное и неформальное взаимодействие с представителями высшей бюрократии» (второе положение, выносимое на защиту) (с. 30). Этот вывод свидетельствует о том, что в обстоятельствах, когда не разрабатывалась

комплексная правительственная программа (поскольку не существовало правительственного кабинета), политическая элита во всех сферах жизни руководствовалась требованиями момента, реагируя на острые проблемы и делая те шаги, которые требовались в конкретной ситуации. К такому выводу уже пришла отечественная историография в конце XX в. (этот тезис сформулирован в работах В.Г. Чернухи), диссертация А.М. Серопегина подтверждает его на новом материале.

Во второй и третьей главах А.М. Серопегин систематизировал публикации столичной прессы, освещавшие кадровые перестановки в министерствах путей сообщения, внутренних дел, народного просвещения и иностранных дел. Изученные материалы позволили А.М. Серопегину обосновать вывод о том, что только МИД «стремился установить контроль над внешнеполитической риторикой периодических изданий» (с. 30) (четвертое положение, выносимое на защиту), поскольку неосторожное слово могло привести к неожиданному повороту во внешней политике. Тогда как публикации о других министерствах не были столь важны для международной политики, а настроения небольшого слоя интеллигенции, очевидно, не особо волновали правительственные верхи. Статьи о деятельности этих министерств традиционно были критическими (образование, транспорт и внутренняя политика всегда подвергались критике в печати). А.М. Серопегин в диссертации доказывает тезис о том, что «публикации консервативных и либеральных изданий объединяло недовольство текущей внутрисполитической ситуацией» (с. 30) (третье положение, выносимое на защиту).

Четвертая глава посвящена тому, как в печати отражались кадровые перестановки в военном и морском ведомствах. А.М. Серопегин отмечает, что при всем интересе прессы к внешней политике кадровые перестановки в этих министерствах не привлекали особого внимания столичных изданий. Этот вывод отражен в пятом положении, выносимом на защиту (с. 31).

В Заключении автор диссертации резюмирует выводы, сделанные в ходе работы над главами, и справедливо полагает, что «заложенные в 1890-е гг., оказали влияние на последующее развитие политической коммуникации в России, а также отношения власти и периодической печати в условиях кризиса самодержавной государственности» (с. 253). Немаловажно, что А.М. Серопегин видит перспективы работы над избранной темой: расширение хронологических рамок, «углубление теоретико-методологической основы исследования», «увеличение источниковой базы» (с. 253). Хочется пожелать автору плодотворной работы в этом направлении.

Вместе с тем в диссертации А.М. Серопегина можно отметить неточности и спорные суждения.

К неточностям относится опечатка в инициалах министра внутренних дел Дмитрия Андреевича Толстого. В тексте диссертации указано «Д.Н. Толстой», что «превращает» министра в его дядюшку Дмитрия Николаевича Толстого. А.М. Серопегин цитирует редакционную статью «Московских ведомостей» И.Н. Дурново: «достойный преемник графа Д.Н. Толстого» (с. 118). Д.Н. Толстой был сотрудником П.А. Валуева, директором Департамента полиции исполнительной в 1861-1863 гг., и публиковал статьи и сочинения по истории религии и богословским вопросам. У его идей вполне мог быть преемник. Вряд ли можно видеть в этой роли И.Н. Дурново, но все-таки опечатка придает высказыванию такой смысл. Напрашивается вопрос: возможно, опечатка допущена самим изданием? Такая оплошность газеты объяснима, поскольку публикации дяди и племянника зачастую путали, да и в именном указателе к дневнику П.А. Валуева допущена такая же неточность, из-за которой сотрудником министра внутренних дел в 1861-1863 гг. оказывается Д.А. Толстой. Очевидно, что напрашивается уточнение инициалов или комментарий по этому поводу.

Спорным является применение понятия «контрреформы» по отношению к внутренней политике Александра III (с. 7, с. 36, с. 50). В последнее время исследователи говорят о пересмотре курса или корректировке курса, поскольку в начале царствования Александра III были продолжены реформы, незавершенные в царствование его отца: например, в решении крестьянского вопроса (понижение выкупных платежей), создание экспертных комиссий при Государственном совете (суррогат парламентских комиссий). В.Г. Чернуха отмечала, что политика Александра III «была намного сложнее, чем только консервативная или либеральная».

А.М. Серопегин обоснованно пишет о преемственности политики верховной власти по отношению к печати. Многие аспекты коммуникации, рассматриваемые в диссертации, были продолжением политики, начатой в эпоху великих реформ. Разработка законодательства о печати, использование официальной печати для трансляции положительного образа власти, создание официозов, коммуникация с консервативной печатью – все эти сюжеты рассматриваются в монографии В.Г. Чернухи «Правительственная политика в отношении печати: 60-70-е годы XIX века» (Л., 1989). В том числе, и особое положение «Московских ведомостей», отмеченное А.М. Серопегиным в конце XIX в. Эта монография оказалась обойденной вниманием автора диссертационного исследования, но может быть им использована при продолжении работы над темой. Также как и книга Г.В. Лобачевой «Самодержец и России: образ царя в массовом сознании россиян (конец XIX – начало XX веков)» (Саратов, 1999). Г.В. Лобачева одной из первых обратилась к проблеме изучения технологии власти, политической коммуникации, инструментов влияния на общество в царствования Александра III и Николая II.

И еще одно пожелание, которое можно рассматривать как вектор для продолжения работы над темой. При изучении коммуникации власти и

общества хочется услышать голос еще одной стороны – читателя. Как интеллигенция реагировала на освещение в печати кадровых перестановок и внутренних и внешних событий? Хочется обратить внимание автора диссертации на записки О.В. Синакевич-Яфа, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 163) (большой фрагмент опубликован в журнале «Звезда» (2025, №№1 и 2). В 1899-1900 гг. Синакевич-Яфа была читательницей «России», «Северного курьера» и «Вестника Европы», игнорировала «Новое время», возмущалась по поводу публикаций «Гражданина» о женском образовании и обсуждала в переписке с родными и близкими кадровые перестановки в министерствах народного просвещения и внутренних дел. Это яркий, но не единственный пример, позволяющий реконструировать образ читателя.

Однако высказанные замечания и суждения не влияют на положительную оценку диссертации. Основные положения диссертации опубликованы А.М. Серопегиным в 4 научных работах объемом 3,4 п.л. в рецензируемых научных изданиях. Содержание автореферата полностью соответствует диссертационному исследованию.

Диссертация Серопегина А. М. отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, Серопегин Алексей Михайлович заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX века ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Барыкина Инна Евгеньевна

«28» ноября 2025 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (911) 926-11-89, e-mail: ibarykina@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.02. Отечественная история

Адрес места работы:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»

191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки 48

Тел.: +7 (812) 312-99-25, e-mail: socnauk@herzen.spb.ru

РГПУ им. А.И. ГЕРЦЕНА

подпись Барыкина И. Е.

подписано 28 ноября 2025

Старший контролер управления по работе с кадр.
и адм. канц. админ.-контрольному обеспечен

✓